

2016
ИЮНЬ
№6 (204)

**Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
каждый выбирает для себя.**
Юрий Левитанский

ТРАГЕДИЯ ДРОБИЦКОГО ЯРА НАЧАЛАСЬ В БАРАКАХ ГЕТТО

23 мая с.г. состоялось заседание Постоянной комиссии по гуманитарным вопросам Харьковского Горсовета, на котором одним из вопросов рассматривалось обращение Харьковского областного комитета «Дробицкий Яр» и Харьковского музея Холокоста о передаче в коммунальную собственность трех объектов культурного наследия: Стены Скорби, Камня-памятника Праведникам Народов Мира и стелы «Обращение к потомкам», которые образуют Мемориальный комплекс «Жертвам Холокоста на месте еврейского гетто периода оккупации Харькова 1941-1943 гг», расположенный на пересечении пр. Московский и ул. 12 Апреля.

С информацией на заседании выступил председатель ХОК «Дробицкий Яр» Леонид Леонидов, который отметил, что Мемориальный комплекс создавался поэтапно в течение нескольких лет, пока не приобрел современный вид и не обрел новое звучание. Трагедия харьковских евреев началась именно здесь, где было создано гетто. На этом месте стояли бараки Станкозавода, в которые было переселено, по приказу немецкого коменданта города, все еврейское население Харькова. Окна без стекол и даже рам, пустые комнаты без дверей, разваленные печи (в бараках было печное отопление), на территории колонки без воды и дощатые туалеты. Кто привел в такое состояние жилые бараки, мы можем только гадать — распоряжений оккупационных властей по этому поводу не найдено. Три недели в перенаселенных, непригодных для жизни бараках в суровые зимние морозы декабря 1941 года провели свои последние дни его узники — для кого-то они стали могилкой, для остальных — остановкой перед расстрелами в Дробицком Яру. Сотни старых, больных людей не выдержали невыносимых условий, умерли в бараках от голода, издевательств. По документам — свыше 600 узников нашли смерть в гетто. В 2008 году в период шурфования, были обнаружены 150 останков бывших узников гетто, их перезахоронили в Дробицком Яру, добавив к уже существующим могилам еще одну.

Мы постоянно говорим о Дробицком Яре, как о месте массовых расстрелов харьковского еврейства, при этом забывая, что местом начала их геноцида было еврейское гетто, созданное в бараках Станкозавода.

Поэтому ХОК «Дробицкий Яр» совместно с райисполкомом Орджоникидзевского

района (сейчас Индустриальный) установили стилизованную под барачную — Стену Скорби — открыта 30 октября 1992 года. В 1997 году слева от Стены Скорби ХОК «Дробицкий Яр» и Харьковский музей Холокоста, установили Камень-памятник Праведникам народов Мира «от благодарных евреев-харьковчан». Это было оправдано и важно — ведь те, кого спасали в Харькове, спасали именно отсюда — из гетто. Памятник Праведникам мира в Харькове был первым на постсоветском пространстве, о чем в своем выступлении в 2002 году на открытии Мемориального комплекса в Дробицком Яру, в присутствии Президента Украины, отметила посол государства Израиль в Украине (в то время) Анна Азари. В 2000 году нашими организациями был установлена стела с Обращением к потомкам. Так был завершен Мемориальный комплекс «Жертвам Холокоста на месте еврейского гетто периода оккупации Харькова 1941-1943 гг».

На протяжении всех лет существования памятников, вошедших в этот мемориальный комплекс, ХОК «Дробицкий Яр» и Харьковский музей Холокоста осуществля-

ли уход за территорией, за состоянием памятников. В 2011 году к 70-летию трагедии Дробицкого Яра были организованы ремонтные работы по реставрации Стены Скорби, заменена стела «Обращение к потомкам», произведено благоустройство территории, часть ее заасфальтирована. Последние пять лет мы за собственные деньги содержали человека, который следил за порядком на мемориале. В текущем году у нас нет такой возможности, поэтому мы обратились с просьбой о передаче его на баланс города.

Инициативу ХОК «Дробицкий Яр» и Харьковского музея Холокоста о передаче Мемориального комплекса на баланс города поддержала и директор Департамента культуры Харьковского горсовета Светлана Бабицкая. Отвечая на вопрос одного из депутатов, не потребует ли передача на баланс комплекса создания нового коммунального предприятия, она сказала: «У нас существует коммунальное предприятие «Мемориальный парк «Дробицкий Яр», поэтому нет необходимости создавать новое КП. Передаваемый объект войдет в существующее КП, возможно потребуются дополнительно одна штатная единица...».

Поддержала передачу комплекса на баланс города председатель Администрации Индустриального района Ольга Вельможная. Единогласно поддержали это предложение и члены комиссии. Вопрос теперь будет вынесен на ближайшую сессию горсовета.

ХОК «Дробицкий Яр» и Харьковский музей Холокоста, иницируя передачу Мемориального комплекса «Жертвам Холокоста на месте еврейского гетто периода оккупации Харькова 1941-1943 гг», всегда подчеркивали, что гетто и Дробицкий Яр нельзя разделять в сознании потомков тех людей, кто нашел там свою мученическую смерть. Мы считаем, что экскурсии, посвященные трагедии евреев в Харькове, для всей полноты картины должны начинаться там, где было гетто, затем продолжаться дорогой, по которой узников из гетто вели в последний земной путь и заканчиваться в Дробицком Яру, где в его оврагах было расстреляно все харьковское еврейство.

**ХОК «Дробицкий Яр»,
Харьковский музей Холокоста**

Борис Минкович

ПОМНЮ ЛИ Я 22 ИЮНЯ 1941?

В этом году трагический юбилей — 75 лет вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну, нападения, которое принесло неисчислимые беды всем народам СССР, особенно еврейскому. Последствия этого еврей испытывали во всей полноте до распада СССР, когда произошли изменения к лучшему.

В июне 1941 г. мне шел одиннадцатый год, но день начала войны остался в моей памяти навсегда. Конечно, начало войны — нетривиальное событие, но, в частности, для меня оно также связано с тем, что в этот день я впервые увидел Харьков, в котором к 2016 году проживаю около 70-ти лет, и, кроме того, как стало ясно позже, я совершенно случайно избежал

участи 6-ти миллионов безвинных жертв Холокоста.

До войны наша семья жила в Ростове-на-Дону. Как мы оказались в Ростове вне бывшей черты оседлости необходимо пояснить, чтобы дальнейшее было понятно. Когда западные области Украины и Белоруссии были присоединены к СССР, выяснилось для меня, что мама и дед происходят из Брестской губернии. Эта область входила в России в «черту оседлости», где евреям разрешалось проживать. Но когда военные события Первой мировой войны развернулись на территории Белоруссии, царские генералы выяснили, что еврейский язык — идиш чрезвычайно близок к немецкому языку, ведь действительно, Ашкеназ (на иврите)

означает Германия. Российские военачальники решили, что евреи будут шпионить в пользу Германии, и что их следует выселить из района боевых действий. И это несмотря на то, что в Отечественную войну 1812 года евреи, оставаясь верны России, испытывали постоянно несправность и притеснения российских властей. В то же время во Франции, согласно Кодекса Наполеона 1804 года, они получили бы все права гражданства.

В 1915 году евреев стали изгонять из черты оседлости, где шла война. Мой дед, прихватив семью, естественно, и мою будущую маму шести лет, переехал в г. Сумы, оставшись на постоянное жительство в нем, а вот братья и сестры вернулись назад.

Окончание на с. 2

ДАЙДАЖЖЕЖЕ

К 75-Й ГОДОВЩИНЕ НАЧАЛА ВОЙНЫ

ПОМНЮ ЛИ Я 22 ИЮНЯ 1941?

Окончание. Начало на с. 1

Вот почему в 1930 году я родился в Сумах. Однако еще в 1929 году советская власть покончила с НЭП, а отец мой был ремесленником по кожевенному делу, и, от греха подальше, наша семья в начале 1931 года переехала в Ростов-на-Дону. Отец стал работать на обувной фабрике и, благодаря этому, я в анкетах смело писал, что происхожу из рабочих.

В 1939 году, когда Западная Белоруссия после пакта Молотова — Риббентропа была присоединена к СССР, мой дед, не забыв откуда он происходит, написал на идиш письмо кому-то из братьев или сестер и получил ответ. Завязалась переписка. Родственники стали звать деда в гости. Это было дозволено, если из присоединенной области был вызов. Обратные поездки на территорию СССР не дозволялись. Был прислан вызов. Это показывает, что родственники совершенно не понимали, что согласно «Майн Кампф» Гитлера им осталось жить считанные годы, что они будущие жертвы того, что мы теперь называем Холокостом. Они приглашали и нас принять в этом участие. В это время Гитлер захватил Францию, с чем его сердечно поздравил Сталин, в Белостоке прошел совместный парад фашистских и советских войск, Сталин во время приема в немецком посольстве поднял тост за здоровье фюрера. Все говорило, что сейчас не время гостевых поездок. Мой отец, закончивший два класса хедера, сказал: «Там идет война, и я своего сына туда не пушу». Дед же хотел поехать в гости только со мной, чтобы показать, какой я «умный и красивый». И дело о поездке заглохло, пока не настало 14 июня 1941 года и до вероломного нападения фашистской Германии осталось 8 дней. Гитлер к этому времени захватил пол-Европы и единственной страной, оказывающей сопротивление один на один была Англия под руководством Черчилля. Советский Союз был ближайшим союзником гитлеровской Германии. Из СССР непрерывно шли эшелоны, груженные сырьем и продовольствием, помогая Гитлеру, как можно быстрее покорить Англию. Англия, сражаясь в одиночку, мечтала привлечь на свою сторону Советский Союз, хотя сам Черчилль был ярким антисоветчиком и тем более антимарксистом. За несколько дней до 14 июня английский посол в СССР отбыл в отпуск

на родину. И там, отвечая на вопросы журналистов, сказал, что Англия ведет переговоры с Советским Союзом и имеются сдвиги в сближении позиций. Иосифу Виссарионовичу очень пришлось не по вкусу «болтовня посла» (по его выражению), и 14 июня во всех советских газетах было опубликовано «Сообщение ТАСС» по поводу высказываний английского посла. Сообщение выдержано в грубом недипломатическом тоне. Полагают, что его писал лично Сталин. В сообщении сказано, что у нас вечная дружба с немецким народом и никаких соглашений с Англией не предвидится. Прочтя сообщение, мой отец сказал: «После такого заявления месяца два войны не будет, а вы (т.е. дед и я) едете всего на месяц. Я разрешаю вам ехать в гости». Я был безумно рад, мои козлиные восторги были безграничны — еду почти за границу. Можно предположить, что Сообщение ТАСС также ослабило боевую готовность наших войск и поспособствовало военным успехам фашистов.

В понедельник, 16 июня, мои родные отправились к военному коменданту Ростова, чтобы он наложил разрешительную визу на вызов для поездки в Белоруссию, и тут, как выяснилось спустя неделю, произошло чудо, которое спасло жизнь мне и деду. Оказалось, в паспорте деда и вызове не совпадают отчества: по паспорту он был Самойлович, а по вызову, вероятно, Шмулевич. И началась борьба за визу коменданта. Три дня его уговаривали, что путаница связана с переводом еврейских имен на русский язык. В результате виза была получена только 19 июня. Так как поездка ходила через день, а ехать мы должны были из Ростова с пересадкой в Харькове на белорусский поезд, то мы выехали 21 июня 1941 года — в субботу. Прибыли в Харьков 22 июня 1941 года, и когда вышли на привокзальную площадь, то на здании ЮЖД висел репродуктор, который голосом Молотова вещал, что началась война. Дед немедленно продал ж/д билеты и взял обратные на Ростов. Поезд уходил вечером 22-го. Дед дал мне рубль, привел к Харьковскому зоопарку и произнес: «Я пойду к знакомым, мы будем говорить по-еврейски, и тебе будет скучно. Побудь это время в зоопарке. Через три часа я приду за тобой, и мы поедем на вокзал». Так что Харьков, памятник Шевченко и т.п., я увидел 22 июня 1941 года.

Там, куда мы ехали, практически погибли все. Твердо установлено, что выжил один племянник деда. Он прошел 400 километров до Гомеля и спасся. Попытки, как-то приобщить племянника к нашей семье не удалось. Когда эшелон, в котором его везли, прибыл на харьковский вокзал, все входы и выходы были перекрыты. Мы встретились с ним у каких-то закрытых ворот, передали продукты и вещи, и эшелон увез его в район Саратова. После войны, как польский подданный, он вернулся в Польшу. А там начались антиеврейские гонения под руководством коммунистического вождя Гомулки, и племянник уехал в Израиль. Следы его потерялись. Мне не известны ни его фамилия, ни имя. В советские времена искать родственников за границей было небезопасно, тем более, что я преподавал в военном училище ракетных войск.

Случайность спасла мне жизнь. Если бы мы выехали в Харьков 19 июня, на два дня раньше, я бы не писал эти строки.

В моем случае события последних предвоенных дней развивались как в детективе с хорошо закрученным сюжетом. Правда, трагедийность сюжета выяснилась через годы, по крайней мере, после, во-первых, освобождения узников гитлеровских концлагерей союзными войсками, во-вторых, Нюрнбергского процесса и, в третьих, суда над Эйхманом. Опыт быстротекущей жизни показывает как хрупка жизнь и часто — жить или не жить — зависит от незначительной мелочи.

Вернувшись из Харькова в Ростов, в сентябре мы эвакуировались в Бухару в Узбекистан, где вполне благополучно прожили свыше трех лет. Из Бухары реэвакуировались не в Ростов, а в Харьков в конце 1944 года с харьковским везозаводом. Возвращение в Харьков было согласовано с отцом, который был на фронте с конца 1941 года. Отец был в числе освободителей в 1943 году г. Сумы, где родился я, откуда он прислал очень пафосное поздравление с моим днем рождения. К чему пафосность, я тогда не понял. Позже это стало ясно. Мне исполнилось 13 лет, и этот день рождения был днем бар мицвы. Такими мы были советские евреи, в основном, в силу обстоятельств.

Борис Минкович

© Специально для «Дайджест Е»

Екатерина Яровинская

НА ВОЛНЕ МОЕЙ ПАМЯТИ

Человек, с возрастом, каждый раз возвращается к тому времени, к тем событиям, которые оставили самый яркий след в его жизни. Это память детства: война — тяжкое испытание, непомерный груз на плечах сотен миллионов людей.

Маленький провинциальный город Кременчуг на Полтавщине. Он живет своей размеренной жизнью, своими семейными традициями.

И все это обрывается в один день — 22 июня 1941 года, 4 часа утра — гитлеровская авиация уже бомбит все города и населенные пункты на переправе реки Днепр. Первая бомбежка, взорван мост, первые жертвы, ужас на лицах людей.

Это лицо войны. Решение уходить из города пешком, т.к. транспорт парализован, и эта картина помнится точно так же, как хроника кино: пыльная нескончаемая дорога, обоз лошадей, на телегах, в основном, старики и дети, за ними мужчины и женщины. Со стороны наблюдаешь картину: женщина подгоняет хворостину корову, многодетная мать. Усталое ошалевшее животное погибает при очередной бомбежке, которые постоянно сопровождают толпу беженцев, уходящих от ужасов войны.

Обоз старается двигаться по окружным дорогам, минуя населенные пункты. Но все обойти невозможно, и на последующих остановках военкомат мобилизует мужчин на фронт. Несколько раз забирают отца и

отпускают снова — не призывной возраст.

Страшный обстрел на станции п. Лешиновка. Об этом случае иногда напоминает ноющая боль левого плеча. Это отец при обстреле бросил меня и маму под дерево, накрыл нас собой. Воздушной волной снесло забор и нас всех накрыло. Это второй день рождения моей семьи. И много лет спустя, проезжая из Харькова в Кременчуг, на свою «малую Родину» — без слез не можем об этом вспоминать.

Город Харьков, ст. Основа, небольшая передышка, шли долго — три недели. Мы с братом заболели корью, температура 40, но надо двигаться дальше. Родственники уговаривают остаться. На их памяти — Первая мировая война, оккупация Украины, и это можно пережить. Точно также думает мой дедушка Арон Яровинский. Он старик, ему тяжело менять жительство. Поэтому со второй женой он остается в Полтаве. И только в конце 1945 года, возвратившись из эвакуации, мы узнаем, что он погиб в гетто в 1942 году, а харьковские родственники закончили свой жизненный путь в Дробицком яру.

Железнодорожный вокзал г. Харькова. Уже есть разрушения, надо уезжать, но сегодня — завтра немцы возьмут город.

Люди атакуют вагоны и теплушки, детей передают через разбитые окна. Страх на лицах матерей, а вдруг не успеют, состав тронется. В вагонах теснота, едут почти стоя. И через несколь-

ко дней пути, под станцией Ртищево, в середину состава попадает бомба. Уцелевшие вагоны поделены на две части: одна, спасаясь от огня, уходит на Урал, другая — в Среднюю Азию.

Конец пути — город Ташкент, а затем город Фергана. Отца мобилизуют, мы всей семьей проходим через эвакуационный пункт (впоследствии при получении документов из Ферганского архива, я узнаю, что при заполнении карточки — я неправильно назвала свое имя, т.к. немного шепелявила).

Нас поселяют в общежитии текстильного городка, здесь проживают серпуховские и ивановские ткачихи — комнаты огромные, перегородки из белых простыней, что доставит немало хлопот мамам, которые постоянно разыскивают заблудившихся детей. Все это останется с нами на целых четыре года.

На первых порах постоянное чувство голода, при смутном свете чадающей коптилки, нетерпеливо ждешь, когда тетя суровой ниткой разрежет мамалыгу из кукурузной муки. Это странное блюдо серого цвета, смутно напоминающее вкус хлеба, но в голове одна мысль — пусть положенная тебе порция будет большой. А к мамалыге хлопковое масло, вкуса которого ты не знаешь. И тебе предстоит еще узнать: других людей, незнакомый говор, на котором ты будешь разговаривать лучше чем взрослые, вкус узбекских лепешек, фруктов, которые ты не знал, и необыкновенную красоту хлопковых

и маковых полей. Но это все потом. А сейчас — тревога за отца, он на фронте, писем нет. Похороны дедушки, отца мамы, дяди — умерших от страшной болезни пилагры, которая тогда косила многих. После смерти мужа у тети пропадает грудное молоко, ее дочь заболевает полиомиелитом. Останется жива, но парализованы ноги. И до сих пор, после операций она осталась инвалидом. Это тоже эхо войны в нашей семье, и таких отзвуков будет немало.

Но надо жить, готовиться посещать школу. Она недалеко. Это московская школа в полном составе. И твоя первая учительница — Татьяна Ильинична совсем девочка, 21 год. Учителя военной поры. Сколько терпения, внимания, тепла они отдают своим ученикам. В классе по 40-45 человек, многие уже сироты. И вот в такой экстремальной ситуации определялся характер, закалялось внимание к ребенку, который целый день был предоставлен сам себе. Учебников, книг почти нет. Но с ними знакомит учительница. В первый класс ты идешь с авоськой, из которой постоянно вылетает карандаш и ручка. Тетради шиваю из исписанных листочков. Соседки-ткачихи смотрят на слезы учеников при таких потерях — готовят подарки, шьют из брезента «портфели» и дарят каждому по пеналу. А в благодарности за это мы нянчим их малышей, рожденных уже в Фергане. Нам они кажутся живыми куклами, и у нас к ним такое отношение.

Окончание на с. 4

ЛЮДИ. ИСТОРИИ

Яков Фрейдин

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДОКТОР ЛЕЙТЦ

Настал мой первый рабочий день в огромной американской часовой компании. Сам я к часовому бизнесу отношения не имел, но моя специальность оказалась у них востребованной. Меня позвали туда на работу, сделали заманчивое предложение, от которого я отказаться не мог, и вот я пришёл в свой кабинет, вернее загончик, или «кубик», стоящий в ряду с сотней таких же в огромном инженерном зале. Моя область была электроника, но вокруг работали, в основном, специалисты в точной механике — всё же это была часовая фирма. В 80-м году появление у них инженера из СССР было заметным событием и на меня приходили посмотреть и даже потрогать руками. Про Россию ничего толком не знали и очень удивлялись, когда я им рассказывал, что там в городах по улицам не ходят медведи, а весной тает снег. А когда они слышали слово Сибирь, то от ужаса содрогались и с придыханием восклицали «Сайбирия!».

Вначале я принимал в своём загончике с десятком любопытствующих в день, но скоро поток визитёров иссяк. Однако несколько человек продолжали заходить во время обеденного перерыва. Один из них был Джек Рубинович, то есть, по-нашему Яша Рабинович. По-английски он говорил с заметным немецким акцентом, на вид ему было лет 65, и слыл он в компании одним из лучших специалистов по точным механизмам. Его интересовала Россия и особенно Питер, откуда, как он мне сказал, был его отец. У многих американских евреев предки, по их словам, не то из Минска, не то из Пинска. А вот из царского Петербурга — редкость.

Однажды во время ланча, когда я ел свой сэндвич, пришёл Джек и поинтересовался, не привёз ли я с собой советский фотоаппарат? Я сказал, что такой аппарат у меня есть, и на следующий день принёс с собой мой «Зенит-Е». Он его повертел в руках, сказал «Нет, это не тот», взвесил на ладони и спросил, может ли он его разобрать? Обещал вернуть в полностью собранном виде — сказал, что очень его интересует посмотреть на механизм. Я ему аппарат отдал, а через пару дней Джек его мне вернул в целостности и сохранности вместе с интересной историей.

— Удивительно, — сказал он, — этот ваш «Зенит» сделан из стали, он ведь ужасно тяжёлый! Они что, не понимают, как это мешает? Мы ещё в 30-е годы делали камеры из алюминия. Чуть дороже, но какая разница! Однако механизм сделан умно, похоже, что это оригинальный дизайн, не копия. Видимо, есть в России хорошие инженеры...

— Вы сказали «мы делали», это кто? — спросил я.
— «Лейка». Слышали про такую немецкую фирму? Я родом из Германии. Работал на этой фирме и делал детали для фотоаппарата. Нашу камеру «Лейка-2», как только она вышла, сразу скопировали в Советской России, и выпустили под своей маркой «ФЭД», не знаю, что эти буквы значат. Я думал вы «ФЭД» привезли, но всё равно интересно.

Я хорошо знал историю первого советского фотоаппарата и рассказал Джеку, что «ФЭД» делали в Харькове бывшие беспризорники в трудовой коммуне педагога Антона Макаренко. У меня в детстве даже была книга Макаренко «Флаги на башнях». Он руководил коммуной имени Ф.Э. Дзержинского, по инициалам которого и назван фотоаппарат ФЭД. Однако я тогда не знал, что «ФЭД» это копия «Лейки».

— Да, русские «Лейку» полностью скопировали в 1934 году. Точная копия, только убрали автоспуск, — сказал Джек, — Но, разумеется, это не моя «Лейка», я её не делал. Там на фирме я работал позже, сначала учеником, а потом инженером, когда «Лейка-2» уже была полным ходом в производстве. Я делал опытные образцы нового складного объектива для моего боса Оскара Барнака. Вот кто был инженерный гений! Хороший начальник, и человек он был порядочный. Жаль, что умер рано, ему и шестидесяти не было. Кстати, это именно он ещё перед Первой мировой придумал использовать в фотоаппарате 35-миллиметровую плёнку, которую тогда массово производили для кино. Умно-то как! Плёнки полно, и она не дорогая. Барнак только размер кадра удвоил, чтоб лучше было качество снимка.

Видно было, что история Лейки была любимым коньком Джека, и он с удовольствием её всем рассказывал.

— Он ещё придумал фотоувеличитель, — продолжил он, — чтоб снимки печатать на фотобумаге. Вот так появилась первая «Лейка». Название это от двух слов — имени хозяина фирмы Эрнста Лейтца и слова камера. Но я работал не у того Лейтца, а у его сына, тоже Эрнста,

но Младшего. Лейтц-отец к тому времени давно умер. В те времена почти каждая компания была семейным бизнесом, всё переходило от отца к сыну, потом ко внуку. Лейка была в семье Лейтцев более 100 лет...

— Джек, — я перевёл тему разговора, — если вы из Германии, то как же ваш отец родом из Петербурга?

— Папа родился где-то на Украине, в местечке, я даже не знаю, как оно называется. Его призвали в армию, а тут сразу началась война России с Японией. Его отправили защищать русскую крепость Порт-Артур, это где-то далеко на востоке Сибири. Надо сказать, что был папа огромного роста, более двух метров, и силы невероятной. Рукой мог подкову гнуть, а если под лошадь залезет, мог бы и лошадь поднять. Очень добрый, мягкий человек, прямо, как русский медведь, но и сильный тоже как медведь.

Джек помолчал, вздохнул и добавил: — А сейчас сила у папы уже не та... Сдал папа...

— Что вы говорите, неужели ваш отец ещё жив? — оторопел я, ведь со времён Русско-Японской войны к тому времени прошло 75 лет.

Эрнст Лейтц II

Лейка-2

ФЭД

— Жив, жив. Он ещё как жив! В доме для стариков живёт, там у него своя комната. Ему 94 года, голова ясная и всё помнит, но вот сила у него уж не та, что в молодости... А какой был герой! Когда он служил в армии, случилось вот что — он про это любит всем рассказывать. Там, уже в Порт-Артуре, в казарме, какие-то два солдата-антисемиты стали про евреев разную чепуху болтать. Папа им велел заткнуться, но они ещё больше расшумелись и про него самого стали всякие гадости говорить, дразнить и жидом обзывать. Папа, хоть и добрый, но горячий был и такие вещи терпеть не мог. Вот он взял каждого из них за шиворот, развёл в стороны, а потом со всей своей невероятной силы лбами друг дружку ударил, как медными тарелками в оркестре. Одного — сразу на смерть, а другого — в госпиталь с тяжёлой раной. Папу, конечно, арестовали и хотели под трибунал отдать, но потом командир полка разобрался, велел его выпустить и даже объявил перед строем благодарность за защиту достоинства и чести солдата. Вот ведь были времена, когда честь солдата так много значила!

— На той войне он воевал смело и был награждён за храбрость какой-то важной русской медалью. Я не знаю, как та медаль называлась, но еврей, у кого была такая медаль, мог уехать из черты оседлости и жить в Петербурге. Поэтому через несколько лет после войны папа из местечка переехал в Петербург. Он был грамотный, но ремесла тогда никакого не знал, кроме как воевать, а потому устроился в полицию и стал городовым. Он, наверное, был единственный еврей-городовой в Петербурге. Из-за его медалей, грамотности и могучей силы ему это позволили. Служил он в полиции несколько лет, женился, и жена его, моя мать, как-то сказала

ему, что не дело это для еврея быть городовым, и угорювила уехать в Германию. Это было ещё перед Первой мировой. Они поселились во Франкфурте, там была большая еврейская община, и им вначале очень помогали. Отец выучился на механика и стал работать на фабрике. Вскоре я родился, это уже как война началась.

На войну его не взяли, он ведь был родом из России, с которой воевали. Жить в Германии было тяжело, особенно после войны. Работы не было, деньги стоили меньше бумаги, на которой их печатали. Я ещё ребёнком был, но всё прекрасно помню. Во Франкфурте я закончил гимназию и в 1931 году поступил в университет в Йене, изучал механику и оптику. Это был чудный университет, лаборатории самые современные, библиотека с редкими книгами, замечательные профессора. Там в своё время учился Карл Маркс, если вам интересно знать.

Ну, а потом началось. В университете всем стал командовать нацист профессор Астель. Он там взялся за евреев — сначала за преподавателей, потом и за студентов. Когда в 1935-ом приняли законы против евреев, меня из университета исключили, хотя мне оставался там только один семестр до диплома. Я вернулся к родителям во Франкфурт. На работу мне устроиться никак не получалось, евреев нигде брать не хотели. Отца тоже с работы выгнали, и мы не знали, как жить.

Я с детства увлекался фотографией, и у меня была камера «Лейка» и к ней увеличитель. Но когда у нас денег не стало, мы начали продавать вещи, и я понёс «Лейку» и увеличитель в фотомагазин недалеко от дома, где мы жили, чтобы продать их хоть за какие-то деньги. Хозяин магазина мне говорит: «Зайди ко мне в кабинет, там поговорим».

Я зашёл, мы сели за стол и он стал меня спрашивать почему я продаю такой замечательный аппарат. А тут вдруг в дверь постучали, он сказал «войдите» и зашла молодая женщина где-то лет тридцати. Очень красивая как ангел. Она потом ангелом и оказалась. Хозяин магазина, как её увидел, вскочил, руку ей поцеловал и мне глазами показывает, чтоб я вышел. Я, конечно, пошёл к дверям, а она меня останавливает:

— Нет-нет, заканчивайте ваше дело, я тут присяду, подожду, вам не помешаю.

Я стал хозяину объяснять, что у нас трудно с деньгами, меня на работу нигде не берут и потому я продаю фотоаппарат и увеличитель. Он взял «Лейку», проверил в порядке ли она, потом вынул из бумажника деньги и стал записывать по купку в свою бухгалтерскую книгу. Спросил мою фамилию, я сказал, что Рубинович, взял у него деньги, поблагодарил и пошёл к дверям. Тут эта женщина меня останавливает и говорит: «Молодой человек, подождите меня там на улице, я хочу у вас что-то узнать». Я вышел на улицу и стал её ждать.

Она вскоре вышла и предложила, чтоб мы зашли в кафе, тут же рядом в соседнем доме. Сели за столик. Она заказала две чашки кофе, пирожные и говорит: «Меня зовут Эльси Лейтц. Вот возьмите, это моя карточка. Я слышала ваш разговор. Ничего мне не объясняйте, я всё понимаю. Пейте свой кофе и слушайте внимательно. Я помогаю отцу в работе, он хозяин фирмы, которая делает эти фотоаппараты «Лейка», что вы сейчас продали. Это в городе Ветцлар, не так далеко отсюда, час езды. Завтра же утром садитесь на поезд и приезжайте туда. Выйдете на станции, спросите, где фабрика «Эрнст Лейтц» и идите туда. Придёте ко входу, покажете охраннику вот эту карточку и скажете, что я вас жду. Мы что-нибудь для вас придумаем. И вот возьмите это».

Она открыла сумочку, достала несколько купюр, сунула их мне в руку, потом встала, подошла к официанту, расплатилась за кофе и вышла на улицу. Я через окно увидел, что у входа в кафе стоял автомобиль и около него ждал шофёр. Он снял фуражку, поклонился ей, открыл дверцу, она села, и машина уехала. Я не знал, что и подумать. Пришёл домой, рассказал родителям, и отец мне говорит — это какое-то чудо, ты ей, видать, понравился, надо ехать. Может эта дама даст тебе работу.

На следующее утро я сел на поезд, приехал в Ветцлар и пешком дошёл до фабрики, она тогда была в центре, недалеко от реки. У проходной показал карточку охраннику, он кому-то позвонил по телефону, а потом сказал, чтоб я шёл на второй этаж. Там я нашёл дверь на которой было написано имя «Эльси Лейтц», постучал и вошёл. Она меня встретила очень приветливо, пожала руку, усадила к столу и говорит:

— Вы молодец, что приехали. Вот теперь расскажите всё про себя подробнее.

Окончание на с. 4

ЛЮДИ. ИСТОРИИ

НА ВОЛНЕ МОЕЙ ПАМЯТИ

Окончание. Начало на с. 2

Проходит какое-то время, мама срочно уезжает и через время возвращается с мужчиной, изможденным до последней степени. И в нем, только по голосу, ты сможешь узнать своего отца, своего любимого папу, совершенно не похожего на довоенного, утонченного человека. И услышишь о поисках по госпиталям моего отца, рассказ человека, чудом оставшегося живым после перенесенных страданий. Он освобожден от воинской повинности и останется уже с нами. Че-

рез очень много лет — отзвук этого времени — заболевание легких, сердца, инфаркт.

И, наконец, один из эпизодов твоей жизни, который останется в памяти навсегда. 9 мая 1945 года. Приходим в школу, необычная обстановка, взволнованные лица учителей. Директор школы, Вера Ивановна говорит то, что запоминается навсегда: «Дети! Уроков не будет. Идите домой, скажите своим близким: война закончилась! Победа!» Летишь домой, видишь радостные лица, полные

глаза слез и громкие рыдания по тем, кого уже не вернуть никогда.

Ноябрь 1945 года. Возвращение на Родину, в родную Украину, которую ты смутно помнишь. Город Кременчуг в руинах. Ты с мамой на развалинах своего довоенного дома. Слезы, найдены осколки любимой куклы-пупса. Ты поступаешь в школу в 3-й класс, учеба в холодном помещении, учеников на переменах отогревают горячим чаем с «бутербродом» — черный хлеб, политый вкуснейшим растительным маслом с солью. Но-

вый язык — украинский, на котором ты сейчас говоришь так же, как на русском. Узбекский язык постепенно забывается, но никогда забыть невозможно прожитые годы в эвакуации. Это память, память твоего сердца и это — навсегда.

Бомбежки, потери, исковерканные жизни. Это все — эхо войны. И в данном должно произнести изречение из Библии: «Все прощается, пролившим невинную кровь не проститься никогда».

Екатерина Яровинская

© Специально для «Дайджест Е»

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДОКТОР ЛЕЙТЦ

Окончание. Начало на с. 3

Я ей рассказал, где и чему учился, про родителей, как меня выгнали из университета, про то, что нигде нас на работу не берут. Она всё внимательно выслушала и велела подождать, потом вышла и скоро вернулась, как я понял, со своим отцом.

Очень приятный господин, внимательный и какой-то добрый, по-отечески. Как я его увидел, у меня просто голова пошла кругом, это ведь был знаменитый доктор Лейтц, хозяин фирмы, которая делала те самые Лейки — лучшие в мире фотокамеры. Эльси ему кратко рассказала про меня и добавила, что я в университете изучал оптику и механику. И он тогда говорит:

— Вот замечательно, нам как раз нужен помощник к мистеру Барнаку. Хотите у нас работать?».

Ещё бы я не хотел! Короче говоря, меня в тот же день приняли на работу учеником мастера, выдали аванс, и этот удивительный доктор Лейтц, дал мне записку к одному человеку, который сдавал квартиры. Я туда пошёл, это недалеко от фабрики. Квартирный хозяин на меня сначала подозрительно посмотрел, выдать мой нос ему не понравился, но когда прочёл записку от доктора Лейтца, сразу же отвёл меня в просторную квартиру в его доме, отдал ключ и даже задаток не попросил. Я вернулся во Франкфурт, рассказал всё родителям, и на следующий же день переехал в Ветцлар. Вскоре отец с матерью тоже туда переехали и поселились ко мне в квартиру. Места на всех хватало, нас ведь было только трое. Моего отца доктор Лейтц тоже на работу взял, в мастерскую механиком.

Вот так я стал работать в компании у Эрнста Лейтца Второго, или Младшего. Сначала моим начальником был тот самый мистер Барнак, который изобрёл первую Лейку с 35-мм плёнкой. Он тогда работал над новым объективом, который должен автоматически складываться, и я по его эскизам делал чертежи, рассчитывал рычаги и шестерёнки, вместе с механиками строил разные опытные образцы. Но только через полгода он неожиданно умер, и тогда доктор Лейтц меня перевёл из учеников на должность инженера, так как я уже хорошо знал, что мистер Барнак хотел, и мог продолжать его проект. У меня не было диплома инженера, а он меня всё равно на эту должность перевёл. Так в Германии обычно не делали, если нет

формального диплома — на работу инженером не возьмут, но ведь это был доктор Лейтц!

В инженерном отделе работало человек сорок. Фирма не только фотоаппараты выпускала, было много других оптических приборов, в основном, для вермахта и люфтваффе. Приборы наведения, прицелы, камеры для аэросъёмки и другие военные штучки. Поэтому нацистская власть доктора Лейтца очень ценила. Его знали во всём мире, и он для них был как бы техническим символом Германии. Но они ему постоянно портили нервы с их партией. Мне Эльси рассказывала, на фирме не было ни одного члена нацистской партии, её отец таких на работу не брал, но на него постоянно давили, чтоб он сам вступил в их партию. Он как-то ухитрился этого не делать.

Я скоро заметил, что среди рабочих и особенно в инженерном отделе было много евреев. Доктор Лейтц из своей фирмы устроил какое-то еврейское прибежище — многих, вроде меня, которых нигде не брали на работу, или жить было негде — он к себе брал, платил зарплату, помогал с жильём. Конечно, среди немцев, что у него работали, были недоброжелательные тем, что хозяин евреев под крыло брал, но боялись жаловаться, ведь все знали, как его фирму ценят, и себе дороже обойдётся, если на него доносить. Кто мог знать, где у него были связи! Может, на самом верху. Разумеется, гестапо знало, что он евреев держит, но до поры до времени на это закрывало глаза.

Однажды я работал с механиками на первом этаже в мастерской, когда туда зашла Эльси, очень нервная. Она подошла ко мне и сказала на ухо: «Быстро и тихо спускайтесь в подвал. Здесь гестапо и ищут евреев». В Ветцларе под всем городом были старые шахты со множеством туннелей. В них раньше добывали железную руду, но потом забросили. Один из туннелей выходил прямо в подвал на фабрике. Я туда быстро спустился и увидел, что в туннеле собрались уже почти все евреи, работающие у доктора Лейтца. Мой отец тоже там был. Мы включили свет, закрыли за собой дверь и сидели молча. Может час, может больше. Внутри было совсем темно и время на часах не видно. Потом мы услышали тихий стук в дверь и голос Эльси: «Выходите». Она рассказала, что из гестапо на грузовике приехал лейтенант и с ним пять солдат, они сразу прошли в кабинет директора, а она побежала по фабрике

предупреждать евреев. Видимо, её отец ничего не боялся и что-то гестаповцам сказал, потому, что они как-то, скорее для вида, прошли по всем отделам и уехали. Никого не взяли. Но кто знал, может, придут снова?

Вот так я у доктора Лейтца работал до 38-го года. Мы всё чаще прятались в туннеле, директор нас там укрывал, но долго так продолжаться не могло. Хотя у него и были связи, но у гестапо всё же было власти больше, особенно в отношении евреев. А после Kristallnacht, то есть, Хрустальной Ночи, даже по улицам ходить стало опасно, могли избить, а то и поймают и отправить в концлагерь. В конце ноября меня вызывает к себе доктор Лейтц и говорит:

— Якоб, в нашем отделении в Нью-Йорке нужно обслуживать ремонт фотоаппаратов. Вы хорошо знаете это дело, и я решил послать вас туда в длительную командировку. Вместе с вами поедут отсюда ещё восемь наших работников. Это может быть надолго, поэтому я очень рекомендую ехать со всей семьёй. Надеюсь мне не надо вам объяснять, как это для вас важно. Ехать надо скоро, выезд через два дня. Наша фирма оплатит переезд и все расходы. Вы в Нью-Йорке будете получать зарплату в том же размере, что и здесь.

Вот так этот удивительный человек нас спас и помог начать новую жизнь в Америке. Тем же вечером, Эльси пришла к нам домой проститься, принесла подарки. Через два дня я с родителями и ещё восемь работников компании, все евреи, с семьями, сели на поезд и поехали в Бременхафен, оттуда в Нью-Йорк ходили корабли. Мне потом рассказывали, что он так спас около 80 своих работников-евреев и их семьи — отправил их работать в Нью-Йорк, Лондон, Гонконг, везде, где у него были филиалы. Америка ведь не принимала евреев, которые от немцев бежали, но мы были не беженцы, а работники иностранной компании. Так что у нас не было никаких проблем с визами в США. Поезд, на котором мы ехали к порту, мы называли «поезд свободы Лейтца», но правильнее было бы его назвать поездом жизни. Доктор Лейтц ведь нам всем подарил жизнь. Он выдал нам документы, подписанные каким-то большим военным начальником. Когда мы поездом ехали и на пароход садились, у нас полиция часто проверяла документы, но видели эту подпись, отдавали честь и оставляли нас в покое. Затем мы пароходом отплыли в Нью-Йорк. Доктор

Лейтц нам всем оплатил билеты второго класса, каждый получил в подарок фотоаппарат «Лейка-2». Вот погодите, я вам принёс показать.

Джек отправился в свой загончик и принёс мне оттуда фотоаппарат. Он был действительно — вылитый «ФЭД». Я взял его в руки и заметил, что Джек очень нервничает, как бы я его не обронил или ещё как не повредил. Я сразу ему его отдал обратно.

— Это та самая «Лейка», что я получил в подарок от доктора Лейтца, — сказал Джек, — самая ценная вещь, что у меня есть, память из той жизни. Когда после войны стало известно, сколько немцы убили евреев, я подумал, что убивая евреев, Германия тем самым убивала себя, как народ. Но позже, вспоминая доктора Лейтца и его дочку, я понял, что раз были такие немцы, как они, то, быть может, не всё для их нации потеряно. Он ведь не только нам жизнь подарил, но и моим детям и внукам, которые после родились, да и всем кто будет после нас... Не дал цепочке прерваться.

Когда мы добрались до Нью-Йорка, нас там встретили люди из американского отдела фирмы, отвезли на квартиры, которые для нас сняли и вообще пригостили всё, что нужно — по распоряжению и на деньги доктора Лейтца. Я проработал в мастерской по ремонту Лейки до конца 1941 года, когда Гитлер объявил войну Америке. Тогда все немецкие компании закрылись, нас уволили, но я быстро нашёл работу. Переехал в Скенектеди, там работал на «Кодаке», а вот теперь уже двадцать лет тут, в Коннектикуте, делаю часы.

— А с доктором Лейтцем и Эльси вы никогда больше не встречались? — спросил я.

— О да, где-то лет пять-семь после войны мне позвонил один из тех моих знакомых, кто в поезде жизни со мной в Америку ехал, и сказал, что доктор Лейтц и Эльси с мужем приехали по делам в Нью-Йорк. Мы все, кто в Нью-Йорке или не очень далеко жили, пришли к ним в гостиницу, принесли много цветов а потом устроили для них обед в хорошем ресторане. Хотели корреспондента из «Нью-Йорк Таймс» пригласить, чтоб он написал статью про эту героическую семью, но доктор Лейтц категорически нам это не разрешил. Сказал, что не хочет ворошить прошлое и не желает никаких публичных разговоров о себе.

Вот такой это был человек...

Яков Фрейдлин

«Дайджест • Е»

Учредитель: ХОК «Дробицкий Яр»

Издатель: Харьковский музей Холокоста

Рег. свид. ХК№241 от 05.01.1995г.

Главный редактор **Лариса Воловик**
Верстка **Сергея Рожкова**

Наш адрес: 61024, Украина,

Харьков, ул. Ярослава Мудрого, 28

Телефоны редакции:

(057) 700-49-90, 714-09-59

<http://holocaustmuseum.kharkov.ua/>

E-mail: kharkovholocaustmuseum@gmail.com

Типография издательства «Харків»
Московский проспект, 247.

Тираж 1 000 экз.

Подписан в печать 2.06.2016 г.

Заказ №6-0061

Подписной индекс 21785

Газета выходит при финансовой поддержке
Благотворительного Фонда «ДАР»